

на задних рядах. Ни помню, почему я пересела, но что может делать студент далеко от лектора - поспать..! Профессору не понравилось. Он попросил пересесть, и впредь сидеть в привычном месте. Это говорит о его внимательном отношении к своим студентам, мы то не замечали, а он нас приучал неназойливо к дисциплине системности, чувству ответственности.

Прошли годы, я вернулась в университет начальником отдела кадров и первыми пришли поздравить мои профессора - Лидья Фёдоровна Ильина, Кокетаев Темиргали, Канат Толеуханович Ермаганбеков, Канапия Мубаракович Арынгазин, Сагатбек Дарибекович Дарибеков, Владимир Егорович Гладков! О, это было великое счастье услышать от дорогих мне людей теплые слова в свой адрес, как о своей выпускнице, это наша Алтын. Да, они нас молодых учили, направляли, давали свои советы. Какие это золотые Люди! И благодаря этим людям нашим преподавателям-воспитателям мы стали такими, какие есть сегодня! Наш выпуск очень много достиг, мы общаемся, вспоминаем, поддерживаем друг друга. Сплоченность на «картошке», строй отряды...

В 2009 году я пришла Канапию Мубараковичу как к доктору педагогических наук, чтобы получить рецензию к своему автореферату диссертационной работы. Профессор очень высоко оценил мою работу, написал Рецензию. Он тогда работал профессором в Институте повышения квалификации учителей Карагандинской области, а в КарГУ продолжал читать лекции студентам и был Почетным Учёным! Все такой же учтивый, интеллигентный, красивый мужчина.

Только через многие годы я поняла очень большое сходство его с моим Отцом, Меруенгали Батталовым, и почему меня особенно тянуло к этому человеку. И при встрече я ему сказала об этом. Когда теряешь близкого человека ты ищешь его глазами среди людей... Тонкий, чуткий, очень порядочный Человек!

## ВОСПОМИНАНИЕ О НАСТАВНИКЕ

*Архипов В.В., кандидат физико-математических наук, Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия*

Впервые судьба свела меня с Канапией Мубараковичем в конце 90-х годов. Он тогда работал в институте повышения квалификации учителей, а я был аспирантом его сына - Аскара. Отдельные встречи по рабочим вопросам перетекли в тесное сотрудничество, когда Канапия Мубаракович перешел на кафедру общей физики.

О том, что он первый декан физического факультета, что он один из «отцов основателей» нашего вуза, я узнавал постепенно. От его рассказов оживали старые черно-белые фотографии, выставленные на стендах, или встречающиеся вложенными в старые кафедральные книги. Люди, которых я не знал, но чьи имена были на слуху, начинали говорить и действовать, вновь творить события того времени, когда закладывался фундамент второго университета Великой степи.

Во время моей учебы (1990-1994) Канапия Мубаракович непосредственно в КарГУ не работал, но я слышал о нем уже тогда. Рассказывали о его манере читать лекции. В течение занятия он, никуда не заглядывая, заполнял доску математическими выкладками из теоретической физики. Со звонком он тут же клал мел на место. На следующем занятии, которое могло быть через несколько дней, он со звонком брал мел и продолжал писать с того места, где он остановился в прошлый раз, так, как будто его мысль вообще не прерывалась.

Много позже, слушая его рассказы о его молодости, я начал подозревать, что эта «лихость», производившая такое сильное впечатление на студентов, была обусловлена тем, что его ждали друзья, чтобы продолжить расписывать «пульку».

Основной чертой характера, и я бы даже сказал сущности, Канапии Мубараковича была его интеллигентность. Интеллигентность в высшей, рафинированной форме. Это качество проявлялось, в первую очередь, в его манере общения с другими людьми, а также в отношении к работе, требовательности к себе, исключительной порядочности.

Мы с Кудусовым А.С. часто шутили, называя Канапию Мубараковича своей «крышей». На что он всегда категорически возражал «Я не крыша! Я толкатель!». Так оно и было на самом деле. «Толкать» Канапия Мубаракович умел. Он часто вызывал нас в кабинет «на разговор», который начинался с вопросов о том, что мы делаем в плане науки, саморазвития. Если у нас были на руках какие-то разработки (а став «подопечными» Канапии Мубараковича мы очень скоро поняли, что они всегда должны быть), то это приводило его в совершенный восторг. Он горячо одобрял любые инициативы, обещающие интересные исследования. И при этом он добавлял какие-то коррективы практически к любой идее, встраивая её в уже известные в науке рамки, поясняя твою же идею тебе же. Его кругозор просто поражал. Получив благословение, мы отправлялись работать дальше.

К моменту нашей встречи мы были «просроченными» аспирантами, срок защиты кандидатских диссертаций которых, уже давно прошел. Так уж у нас сложилось, и в этом были виноваты не только мы, но и трудное время конца 90-х. Канапия Мубаракович знал нас по отзывам своего сына – нашего научного руководителя, который к тому времени перебрался в Астану. И придя на кафедру, на правах первого декана физического факультета, он решил, что мы должны, во что бы то не стало, защититься. Так мы с Арыстаном (Кудусов А.С.) стали его подопечными. Аскар по-прежнему отвечал за научную ценность содержания наших диссертаций, а Канапия Мубаракович взялся за более тяжкий труд – заставить нас методично работать.

То время было очень плодотворным в плане его собственной научной работы в области педагогики. Он готовил и издавал монографии, регулярно печатался. Тем не менее, находил время для нас. Помню, как будто это было вчера, как он объяснял мне разницу между субъектом и объектом познания в применении к моей диссертации. Это не так очевидно, когда речь идет о довольно специфическом тексте, в котором 70% занимают только формулы. Философию он знал на «отлично» и, самое главное, умел её доступно объяснять. В его личной картине мира все было взаимосвязано: мир существовал для того, чтобы человек его познавал, смысл существования человека заключался в познании мира. То есть мир физических объектов и внутренний мир человека в его философии были едины и его подход к науке подразумевал их одновременное изучение.

Несмотря на свой преклонный возраст, Канапия Мубаракович постоянно читал. Прямо скажем, он читал гораздо больше, чем мы. Обрисовывая какую-то проблему, из области педагогики, или теоретической физики, он с легкостью делал обзор, кажется всего, что известно по этой теме на данный момент. Давая задание к подготовке какой-либо статьи, он приносил кучу журналов, книг и распечаток статей с закладками и пометками. Оставалось только удивляться, когда он нашел время все это найти и прочитать?

Над статьями он работал очень тщательно. Первоначальная рукопись, десяток другой листов, перепечатывалась теми, кто мог разобрать его подчерк. Хочу с гордостью заметить, что как бы чувствуя настрой своего учителя, я читал его «летающий» подчерк как напечатанный. Затем вариант статьи несколько раз правился, делались вставки, замены, уточнения.

Арынгазин К.М. был основателем двух научных направлений в Казахстане: геометрические методы в физике и смысловая педагогика.

Несмотря на их кажущуюся независимость друг от друга, для Канапии Мубараковича они были практически едины и хорошо отражали его внутреннюю

сущность – стремление понять фундаментальные принципы, лежащие в основе законов природы и человеческого сознания.

Его занятость собственной научной и методической работой никогда не приводила к забывчивости относительно обязательств по отношению к своим ученикам или коллегам. Если он брал что-то на рецензирование и проверку, или назначал встречу, можно было быть совершенно уверенным, что к указанному им сроку все будет готово. В этом выражалось его уважение к другим людям. И если что-то могло нарушить душевное равновесие Канапии Мубараковича, так это именно невыполнение взятых обязательств. Здесь он был предельно требователен. Мне не раз приходилось слышать, с какой досадой он отзывался о ком-либо, кто безалаберно отнесся к работе.

Поставив задачу, никогда потом не забывал спросить, как идут дела, есть ли проблемы, когда мы будем готовы обсудить результаты. При этом никогда не требовал и не ругал. Но неудовлетворение, читаемое в его глазах, было страшнее любого разноса. Такая опека заставляла соблюдать планы и обещания, данные, по сути, самому себе.

Несколько лет назад, Канапия Мубаракович серьезно заболел. Врачи обнаружили у него опухоль, давящую на мозг. Видя, как быстро ухудшается его состояние, мы с Арыстном и вся кафедра были в отчаянии. Такие проблемы со здоровьем в его возрасте казались приговором. Помню, как мы отправились первый раз навестить его после операции. На сердце было невыразимо тяжело. Подходя к его палате, мы были готовы ко всему. Кроме того, что увидели. В залитой солнцем комнате Канапия Мубаракович бодрым голосом разговаривал с сияющей Динарой Ибраевой – его супругой. И наш радостный шок от увиденной перемены в нашем учителе еще более усилился, когда Канапия Мубаракович потребовал принести ему в палату черновики нашей с ним статьи и связанные с ней материалы.

Вернувшись на факультет, мы рассказывали о происшедшем по несколько раз, каждому встречному. Все смеялись, радовались неожиданным новостям, и день был особенным.